

Лысенко Олег Владиславович

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

Автор раскрывает понятие "региональный стиль" в рамках традиции интерпретативной социологии, опираясь на работы М. Вебера, А. Щюца, П. Бергера, Т. Лукмана, Л. Г. Ионина. Региональный стиль определяется как специфический способ организации своей жизни сообществом, проживающим на территории региона, вытекающий из представлений об окружающем мире (включая идентичность) и предполагающий утверждение этого представления в практиках и риториках. В качестве элементов регионального стиля выделяются невербальные и вербальные символы, а также доктринальное ядро, воплощенное в рассказах и мифах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-126. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Подготовка, переподготовка и обучение кадров:** практическое руководство / под ред. Ю. Л. Фадеева. М.: Эксмо, 2007. 120 с.
7. **Реформы образовательных политик: деятельность Совета Европы:** интервью заместителя главного редактора журнала М. Рыжакова с Жаном-Пьером Титцем — секретарем Комитета по образованию Совета Европы // Стандарты и мониторинг в образовании. 2000. № 6. С. 9-13.
8. **Сахарчук Е. И.** Управление качеством подготовки специалистов в педагогическом вузе: гуманитарный подход. Волгоград: Перемена, 2003. 231 с.
9. **Хуторской А. В.** Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-64.

COMPETENCE APPROACH DYNAMICS IN TEACHER'S ACTIVITY

Larisa Viktorovna Lipunova, Ph. D. in History
Department of Constitutional and Administrative Law
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
Lip-1973@yandex.ru

The basic key competences that were identified at the symposium “Key Competences for Europe” in Bern in 1996 marked the worldwide trend of the renewal of educational process resulting units. They are well-known at present political and social competences related to life in multicultural society, competences related to communication skill in more than one language, information-communicative competences, and the ability to study all one’s life. The author presents the comparative-contrast analysis of competences as a result of education.

Key words and phrases: system of vocational education; competences; teaching activity; education paradigm; professionalism; reformation; competitive ability of graduates.

УДК 319

Социологические науки

Автор раскрывает понятие «региональный стиль» в рамках традиции интерпретативной социологии, опираясь на работы М. Вебера, А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, Л. Г. Ионина. Региональный стиль определяется как специфический способ организации своей жизни сообществом, проживающим на территории региона, вытекающий из представлений об окружающем мире (включая идентичность) и предполагающий утверждение этого представления в практиках и риториках. В качестве элементов регионально-го стиля выделяются невербальные и вербальные символы, а также доктринальное ядро, воплощенное в рассказах и мифах.

Ключевые слова и фразы: региональный стиль; традиция; жизненный стиль; групповая идентичность; культурные образцы поведения; символы; доктринальное ядро.

Олег Владиславович Лысенко, к. соц. н., доцент

Кафедра культурологии

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

oleg-lysenko@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ[©]

Материал подготовлен в рамках проекта № 034-ф Программы стратегического развития ПГПУ.

Перед началом раскрытия темы, заявленной в названии, хотелось бы сделать два пояснения. Во-первых, данная статья является попыткой выявить некое методологическое основание широкой исследовательской программы, посвященной как самому понятию стиля, так и изучению реального воплощения этой теоретической конструкции на территории конкретного региона. Во-вторых, основной методологической рамкой этого текста являются теории стиля и инсценировки, предложенные Л. Г. Иониным. Указание на это снимает с нас необходимость долго и нудно пересказывать его тонкие и остроумные рассуждения о стиле, традиции и каноне, моностилистических и полистилистических культурах, процессах освоения стиля и т.д. и позволяет сосредоточиться на построении теории регионального стиля.

Итак, начнем с самого сложного – с определения понятия стиля. Л. Г. Ионин справедливо утверждает, что общепринятого научного понятия стиля пока не выработано. «Вообще-то стиль - это нечто трудноуловимое. Его легко увидеть и опознать, но трудно ухватить и точно, по-научному, определить» [10, с. 316]. Действительно, определения, встречающиеся в словарях, в основном интерпретируют стиль как способ или

метод выражения мысли, как некую форму действия, как нечто внешнее. Идет ли речь об искусстве или повседневном поведении, слово «стиль» используется для того, чтобы определить внешний аспект явления, а потому оно и не входит в набор «серьезных» научных понятий. Как и множество других универсальных слов (например: игра), стиль и вездесущ, и легковесен. Такие слова принято либо употреблять в рамках аналогий, либо использовать по умолчанию. Известны и случаи употребления этого слова как понятия, но только в узком смысле, например, в литературоведении. Ни тот, ни другой подход нас не устраивает.

Понятием, наиболее близким к понятию стиля, является жизненный стиль. Оно введено М. Вебером (*Lebensführung*) [5], а потом подхвачено Г. Зиммелем. Проблема в том, что сам М. Вебер точного определения этого понятия тоже не оставил. Л. Г. Ионин трактует его как обозначение способа ведения жизни или способа организации жизни, например, традиционного или капиталистического [10, с. 189]. Попытка определения жизненного стиля встречается у Г. Зиммеля. Для него жизненный стиль есть «таинственное тождество формы внешних и внутренних проявлений» [8, с. 453], которое возникает из человеческого стремления к обретению идентичности, то есть стремления «стать законченным целым, образом, имеющим собственный центр, посредством которого все элементы его бытия и деятельности обретали бы единый и объединяющий их смысл» [Там же, с. 563]. Определение столь же красивое, сколь и не применимое в эмпирических исследованиях. Однако оно дает повод для собственной интерпретации.

Во-первых, очевидно, что понятие жизненного стиля может быть определено только в рамках такого подхода в гуманитарных науках, который понимает под культурой любые модели поведения людей, вне зависимости от той ценности, которую им приписывает сам исследователь. Если угодно, это социологический и антропологический подход. Никакой сакральности и «возвышенности» он не предполагает. Один из удачных вариантов определения культуры в рамках данного подхода дает Ф. Тенбрук, который подчеркивает, что культура «является общественным фактом постольку, поскольку она является *репрезентативной культурой*, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием» [12, S. 47]. Во-вторых, понятие жизненного стиля предполагает *рассмотрение взаимосвязи между смыслом и способами его презентации, между пресловутыми содержанием и формой*, а точнее, между социальным и культурным. Да, стиль есть способ выражения, способ презентации. Но в этой презентации форма определяется содержанием, а содержание – формой. Культура предопределяет взгляд человека на окружающий мир, а окружающий мир (в первую очередь, общество) вырабатывает культуру. Именно так, на наш взгляд, стоит трактовать определение Г. Зиммеля.

Тут важно обозначить некоторые нюансы. Обычно в социологической (и иной гуманитарной) литературе предполагается подчиненное положение формы по отношению к содержанию. Так, в рамках институционализма если и говорится о символах социальных институтов, то лишь как о способе отражения институциональных ценностей. В рамках марксистской традиции культура вообще (вместе со всеми стилями) относится к второстепенным, с точки зрения социальной онтологии, явлениям, которые всегда отражают интересы социальной группы, их создавшей, что, в свою очередь, обусловлено положением в социальной структуре. Можно привести еще немало других подобных примеров. С нашей точки зрения, стиль есть не «отражение», но способ выстраивания презентаций индивида, группы или сообщества о себе по отношению к окружающему социальному миру. И этот способ сам играет роль самостоятельного фактора социальной и культурной жизни. То есть понятие стиля имеет смысл только тогда, когда мы, вслед за М. Вебером и представителями интерпретативного (конструктивистского) подхода в социологии (А. Шюц [11], П. Бергер и Т. Лукман [3], И. Гофман [7], Л. Г. Ионин [10], П. Бурдьё [4]), признаем, что социальный мир таков, каким его видят люди, а культура есть инструмент конструирования этого социального мира.

В свете вышеизложенных рассуждений мы можем сделать попытку дать более или менее приемлемое определение искомого понятия с последующими комментариями. Итак, под стилем мы понимаем специфический способ организации своей жизни индивидом или группой индивидов, вытекающий из их представлений об окружающем мире (включая идентичность) и предполагающий утверждение этого представления в практиках и риториках. То есть стиль это и продукт интерпретации реальности, и инструмент ее переделки. Особо важно здесь подчеркнуть, что процесс изучения того или иного стиля есть одновременно и процесс его конструирования.

Приведем один пример из мира бизнеса, который может помочь прояснить ситуацию со стилем. Крупная корпорация решила внедрить новый стандарт корпоративной культуры. Как положено в таких случаях, сначала пишется миссия предприятия, формулируются ценности, которых следует придерживаться, придумываются слоганы и корпоративные символы – логотип, флаг, гимн и т.п. Кто это все делает? Как правило, руководители предприятия или специальные люди по их заданию. Откуда при этом черпаются идеи? Из опыта и представлений тех индивидов, которые все это делают, о том, что на данный момент в компании правильно, а что нет. Хорошее ложится в основу корпоративной культуры, плохое преследуется. То есть в новом оформлении компании (в новом стиле!) заложены представления индивидов, работающих в корпорации. И далее происходит следующее: при удачном внедрении корпоративной культуры все большее число сотрудников начинает принимать новые ценности и внедрять их в жизнь, то есть меняется сама реальность. Нечто подобное может произойти и происходит в рамках иных институтов и сообществ. Даже если в сообществе нет инициативной группы по формированию стиля, он сформируется стихийно с большей или меньшей целостностью.

На основе этого частного примера мы можем выявить набор тех элементов, через которые каждый стиль может быть описан и интерпретирован. Эти элементы делятся на две группы: источники формирования стиля и его составные части. Дадим их описание, как общее, так и применительно к понятию регионального стиля.

Первым источником и предпосылкой формирования стиля выступает **групповая идентичность, иногда негативная**. Групповая идентичность - это набор представлений (артикулированных и неартикулированных) об объединяющих всех членов группы (сообщества) признаках и атрибутах, присущих самим членам группы, и возникающее на основании этого групповое самосознание, групповой самообраз. Нет необходимости подробно останавливаться здесь на описании этого понятия – в настоящее время существует достаточно подробно разработанная теория идентичности в трудах социологов, политологов, социальных психологов и культурологов. Отметим только, что нам наиболее близок подход к идентичности, сформулированный в рамках традиции символического интеракционизма и феноменологической социологии. Стоит подчеркнуть, что без наличия такой групповой идентичности (пусть даже латентной) не возникает потребности в оформлении стиля. И еще: стиль формируется в соответствии с образом групповой идентичности.

Возьмем в качестве примера Пермский край и тот региональный стиль, который сформировался на этой территории. Его основой будет представление населения края о себе как о пермяках. Оно создавалось на протяжении достаточно длительного периода, начиная еще с летописных времен. Каждое новое поколение, переселяющееся на эти земли, со временем начинает себя называть пермяками, отличая себя как от соседей, так и от столичных жителей. Наличие такой идентичности с высокой степенью вероятности можно констатировать априорно.

Далее, групповая идентичность, так или иначе, должна быть представлена окружающим. Но каждый отдельный индивид, выстраивая собственную презентацию себя как члена группы, ощущает потребность в некотором образце для подражания. Поэтому следующим элементом стиля выступают **культурные образцы поведения**. Это образы, воплощающие в себе идеализированные примеры для подражания. Как правило, каждый стиль имеет целый набор таких образов, что позволяет реальному индивиду выбрать наиболее подходящий образец с учетом индивидуальных особенностей. Так, например, средневековое дворянское сообщество находило такие образцы и в куртуазных романах, и в житиях святых, и в исторических хрониках. Педагогическое сообщество опирается в собственных презентациях на образцы, почерпнутые из доисторических времен (жрецы, шаманы как носители сакрального знания), времен христианских (Иисус Христос как Учитель) и времен становления института науки (мученики от науки – Галилео Галилей и Джордано Бруно). Плюс к этому каждая предметная отрасль имеет собственный набор своих отраслевых «святых»: литераторы – писателей, физики – физиков, химики – химиков и т.д., что наглядно воплощено в портретах, вывешиваемых в классных комнатах. У политиков есть собственные образцы для подражания. Так, деятели французской революции активно использовали для этого античные времена, а, например, русские марксисты – своих предшественников-революционеров. Со сменой стиля в профессиональной или иной деятельности меняется и набор таких образцов.

Есть ли нечто подобное в региональном пермском стиле, и кто именно выступает здесь в этом качестве? Сразу сказать трудно. Пермский писатель А. Иванов считает, что в качестве основной модели жизни на Урале выступает завод [9, с. 395]. Может, тогда культурный образец поведения пермяка следует искать в заводском поселке? А может быть, таковым образом является пермский культурный герой Ермак Тимофеевич, присутствующий в региональной культуре в топонимах? А какую роль здесь играет коренное население, национальные меньшинства, религия? Ответы на эти вопросы могут быть даны только в рамках эмпирических исследований.

Наконец, третьим источником и предпосылкой формирования стиля является **институциональное давление**. Не секрет, что социальные институты обладают большой принудительной властью над индивидами. Одновременно именно институты всегда выступали в качестве катализатора возникновения социальных групп и общностей. Без института образования не возникло бы ни детей-подростков-юношества, ни учеников-студентов [2, с. 245-273]. Не возникло бы, кстати, и педагогов. Без государств не возникли бы и нации [1, с. 157, 234]. В отношении некоторых социальных сообществ бывает трудно определить их институциональный источник. Так, стилиги или яппи не были сформированы социальными институтами напрямую, но это лишь значит, что они – побочный продукт иных, более сложных институциональных сдвигов.

Зато институциональные корни пермского стиля ясны и прозрачны. Пермская земля – административная единица российского государства, губерния-область-край со своей администрацией, территориальными границами, более или менее специфической политикой. Менялись границы – менялось и сообщество.

Перейдем теперь к составным элементам стиля, к формам его презентации и конструирования. Несомненной заслугой Л. Г. Ионина является то, что он разобрал этот вопрос весьма подробно и четко, разделив элементы стиля по группам, они же – уровни усвоения. Первоначально любой стиль воспринимается через **набор невербальных элементов**, несущих существенную символическую нагрузку. Если мы говорим о стилях профессиональных или досуговых сообществ, то это будут одежда, аксессуары, осанка и походка, даже интонация и манера произношения. Применительно к территориальным сообществам дело обстоит сложнее. Очевидно, следует выделить как минимум две подгруппы невербальных элементов регионального стиля по степени восприятия их символической нагрузки. Во-первых, **артикулированные символы, к которым мы отнесем общепризнанные эмблемы и объекты-маркеры**. Например, герб и его элементы (медведь), знаковые здания и природные объекты (Колокольня кафедрального собора и Кама), артефакты и учреждения (пермский звериный стиль, деревянные скульптуры Христа и балет), отдельные знаки (номер региона 59, активно ныне используемый в рекламе). Именно со знакомства с этими символами и начинается усвоение пермского стиля мигрантами и гостями. Их главное назначение – придание смысловой и эмоциональной нагрузки презентуемой группе (сравните, например, смысловые нагрузки гербов разных городов). Во-вторых, это **символы неартикулированные**, воспринимаемые только через противопоставление

с аналогичными феноменами других стилей, но не замечаемые самими носителями стиля в повседневности. Пример – темп речи и «пермский говор», особенности одежды, жестов, выражения лица, по которым можно с большей или меньшей уверенностью идентифицировать пермяка. Разумеется, выделить и описать такие элементы гораздо труднее, чем общепризнанные символы, но, исходя из определения стиля, они несут не меньшую, а то и большую смысловую нагрузку при конструировании жизненного мира пермяков.

Особняком стоит особый **символизм мизансцен**, используемых для стилистической презентации, или символизм социального пространства. Нет нужды говорить о значимости того или иного участка пространства для презентации, скажем, актеров или учителей. Для презентации регионального стиля особую роль играют как центральные площадки (центр города, места публичных праздников), так и отдельные уголки, нагруженные символическими смыслами, – места прогулок, встреч, отдыха.

Следующей группой стилистических элементов являются лингвистические компетенции, проще говоря – сленг и его элементы. То, что сленг присущ субкультурам и профессиональным сообществам, понятно. Но можем ли мы говорить о региональном сленге, особенно применительно к городскому сообществу? Думается, да. Речь, разумеется, идет не о диалектизмах (это проходит, скорее, по разряду неартикулированных символов), а о специфическом наборе языковых средств, понятных только носителям стиля и используемых в общении со своими. Найти его особого труда не составит. Прежде всего, это местные жаргонизмы, включая топонимы (неформальные названия микрорайонов, публичных мест), прозвища публичных людей, неформальные названия мест и учреждений («огород» – парк Горького, «палуба» – одна из площадей города). Степень освоения лингвистических компетенций находится в прямой зависимости от степени погруженности в семантическое поле группы и самого стиля. Очевидно, по аналогии со сленгом субкультур, в лингвистических компетенциях можно ожидать обнаружения и иных сленговых слов, играющих более важную роль специфических маркеров социальных и культурных явлений. В отличие от топонимов и прозвищ, они в большей степени ориентированы на конструирование системы отношений, нежели на эмоциональную оценку. К таким сразу можно отнести названия этносов («комики»), территориальных и социальных групп («закамские пацки», «комерсы»), маргиналов («индейцы» по отношению к эмигрантам из Средней Азии), волнующих событий и знаковых предметов («красные человечки»).

Следующей составной частью стиля (и этапом его усвоения) является **соответствующий морально-эмоциональный настрой**, обусловленный освоением символов и лингвистических компетенций. Здесь применительно к региональному стилю диапазон ожидаемых явлений колеблется в весьма широких пределах. В равной степени мы можем встретить и комплекс провинциализма (и в уничижительном, и в шовинистическом вариантах), и местный патриотизм, и, наоборот, презрение, отношение к Перми только как к случайному месту обитания. Точнее можно сказать только после исследований.

Наконец, важнейшим элементом стиля является его **доктринальное ядро**. Оно может быть либо воплощено в литературно-публицистических текстах, либо в фольклоре, либо (как у некоторых молодежных субкультур) в наборе максим и афоризмов. Для изучения регионального стиля, скорее всего, понадобится рассмотрение всех вариантов озвучивания доктрин ввиду социальной разнородности носителей стиля. Любопытно, что в Пермском крае уже проведены значительные работы по собиранию и отбору наиболее репрезентативных текстов, отражающих и формирующих представления образованной части городского сообщества относительно региона («Пермь как текст»). Так что планируемое исследование «Пермь как стиль» можно в определенной степени считать и продолжением, и расширением этой темы.

В завершение стоит лишний раз напомнить, что все вышеизложенное представляет собой эскиз методологического подхода к большому, междисциплинарному исследованию, посвященному проблеме региональной стилистики в целом и Пермским стилевым особенностям в частности. Хочется верить, что данный подход позволит задать общую понятийную рамку для каждого из отдельных исследовательских направлений и послужит подспорьем для выработки оригинальных подходов в изучении разных сфер региональной жизни.

Список литературы

1. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
2. **Арьес Ф.** Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
3. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. **Бурдые П.** Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. - СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. 288 с.
5. **Вебер М.** Хозяйство и общество / пер. с нем.; под научн. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 456 с.
6. **Геллнер Э.** Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 315 с.
7. **Гoffman И.** Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. С. С. Степанов, Л. В. Трубицына; под ред. Н. Н. Богомоловой и Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.
8. **Зиммель Г.** Избранное: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 1. 619 с.
9. **Иванов А.** Message: Чусовая. М.: Азбука-классика, 2007.
10. **Ионин Л. Г.** Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие для студентов вузов. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 432 с.

11. **Щюц А.** Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
12. **Tenbruck F. H.** Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990. 342 S.

REGIONAL STYLE: DEFINITION OF NOTION, PRECONDITIONS OF FORMATION AND COMPONENT PARTS

Oleg Vladislavovich Lysenko, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Culturology
Perm' State Classical-Pedagogical University
oleg-lysenko@yandex.ru

The author reveals the notion “regional style” within the framework of interpretive sociology tradition basing on the works of M. Weber, A. Schütz, P. Berger, T. Luckmann, L. G. Ionin, defines regional style as a specific way of organizing life by a community living within a region, arising from the ideas about the outside world (including identity) and assuming the consolidation of this idea in practices and rhetorics; and as the elements of regional style singles out nonverbal and verbal symbols and also the doctrinal nucleus embodied in stories and myths.

Key words and phrases: regional style; tradition; lifestyle; group identity; cultural behaviour patterns; symbols; doctrinal nucleus.

УДК 1:001

Философские науки

Статья показывает, какую роль играет техника в жизни современного человека. Основное внимание в работе автор акцентирует на особенностях взаимного влияния онтологизированной техногенной среды и человека, прослеживается порабощение последнего техникой. В статье выделяются основные причины подмены цели человеческой жизни средствами ее обеспечения – техникой. Автор стремится выявить суть техники и возможности освобождения человека от технической зависимости.

Ключевые слова и фразы: техника; человек; техногенная среда; онтологизация техники; технизация; антропосферный подход.

Антон Анатольевич Маврин

Кафедра философии
Череповецкий государственный университет
Aldaron_moriya@mail.ru

ТЕХНИКА В АНТРОПОТЕХНОСФЕРНОМ ПОДХОДЕ[©]

Научно-техническая революция, начавшаяся во второй половине XX века, внесла качественные преобразования во все области человеческой жизни, отражая все возрастающую их зависимость от технических способов обеспечения, которые пронизывают сегодня все стороны существования людей – от производства до духовного общения. В настоящее время пространственно техносфера стала шире биосферы, что способствует ускорению темпов переработки объективных природных образований в искусственные технические. Современные социально-культурные реалии позволяют констатировать онтологизацию технической реальности не столько в качестве рядового элемента социальной реальности и даже не в качестве относительно автономной от человека сущности, сколько в качестве доминирующей в социальном хронотопе онтологической системы со своими требованиями по отношению к создавшему ее субъекту, диктатом условий его существования, уровня образования, необходимостью овладения особыми умениями и навыками.

Столь обширное и быстрое развитие техники и его результаты обратили на себя внимание социологов, художников, философов, задачами которых являлись прогнозирование тенденций технического развития, анализ деструктурирующей роли техники в социализации личности: не ради утопических призывов к технической стагнации, а ради гуманизации столь агрессивно противопоставившей себя человеку техносферы.

Техническое развитие цивилизации вызвало различные, порой категорически противоположные, оценки ученых. Так, например, Д. М. Гвишиани выделяет три направления в оценке роли технического прогресса в развитии общества: 1) технократически-оптимистическое: утверждаются неограниченные возможности развития науки и техники, способные привести к разрешению всех экономических и политических противоречий современного общества; 2) социально-пессимистическое: наука и техника рассматриваются как одно из зол, внутренне присущее любой развитой цивилизации и несущее гибель человеческому существованию; 3) направление, которое не примыкает к крайностям технократического оптимизма и социального пессимизма и включает в себя широкий